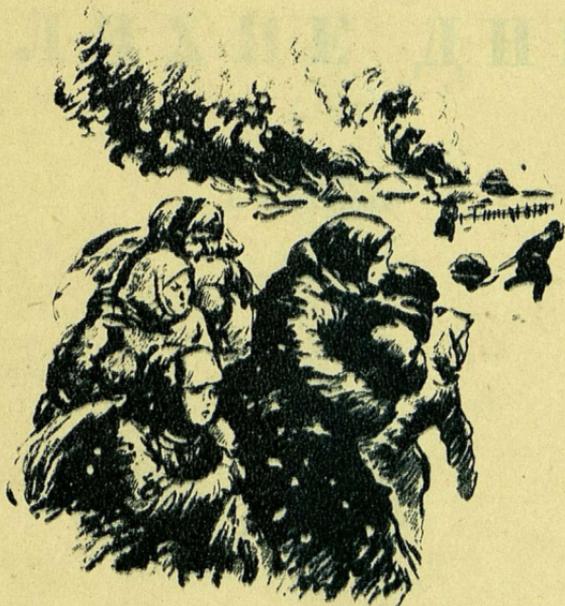

Л. Воронкова

ЛИХИЕ ДНИ

ДЕТГИЗ

Л. ВОРОНКОВА

B 753

ЛИХИЕ ДНИ

Рисунки
А. ЕРМОЛАЕВА

НАРКОМПРОС РСФСР
Государственное Издательство Детской Литературы
Москва 1942 Ленинград

И И Д И И Х И Е

35797

1957-58 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКИХ КНИГ
ДЕТГИЗА

681669 Кх. Рег-03

Российская государственная
детская библиотека

МЫ ВЕРНЕМСЯ!

Маринка стояла у крыльца и задумчиво смотрела на снежную дорогу. По дороге шла конница. Красноармейцы молча сидели в своих высоких седлах. Они не пели песен и не смеялись. Сдвинув брови, красноармейцы сурово смотрели вперед, и видно было, что на сердце у них тяжело. Красная армия отступала.

Возле палисадника пригорюнившись стояли соседки. Маринкина мать тоже была с ними. Одна из соседок не выдержала, всплакнула. Это увидел молодой красноармеец на высокой вороной лошади.

— Эй, тетка, не плачь, — крикнул он, — мы скоро вернемся!

— Знаем, что вернетесь, да пока солнце взойдет, роса очи выест, — покачала головой соседка. — Каково будет ждать-то вас! Ведь мы теперь немцу отданы.

— Не отданы, не бойся, — нахмурился, сказал другой красноармеец, — мы своих людей да свою землю так просто врагу не отдаем!

НАХОДКА, ДО КОТОРОЙ НЕЛЬЗЯ ДОТРАГИВАТЬСЯ

Соседки поговорили, повздыхали и тихонько разошлись по домам. И мать ушла в избу. А Маринка стояла до тех пор, пока последний красноармеец не скрылся за придорожными вербами.

Деревня взобралась высоко на гору. Ее так и зовут Зеленая Горка. И Маринке от своего крыльца были далеко видны снежные поля, розовые от солнца, синие гряды ближних и дальних лесов, соседняя деревня с ее садами... Сейчас сады стоят запущенные инеем, а как зелено там летом!

А вот там, направо, река. На отлогом берегу ее чернеет другая деревня — Отрада. Через Отраду, через отрадинские поля пролегает большая проезжая дорога. Сегодня утром видели, как по этой дороге прошла отступающая красная пехота. Проехали пушки, прошумели машины... На этой самой дороге в любой день, в любой час могут появиться и страшные фашистские войска...

Маринка никогда ничего не боялась в своей жизни. Ей просто как-то не случалось бояться. Правда, очень страшно было, когда с колхозного двора выскочил бык и погнался за нею. Как она бежала тогда! Потом как-то ее вместе с подругами застала в лесу гроза — это тоже было страшно... Сейчас Маринка вспомнила об этом, и ей показалось, что те страхи были совсем не страшные и даже смешные. Но вот теперь...

Теперь словно черная тяжелая туча надвигается на их деревню и хочет задушить их. Эта туча все ближе и ближе. Убежать от нее некуда. Кто остановит эту тучу, защитит деревню!

Маринка вздрогнула, поежилась: мороз, пока она стояла, забрался под полушубок. Она пошла было домой, но в это время из-под горы показались ребята. Впереди с деловым видом шагал ее брат, Ганя. Лохматый Кудряш бежал рядом, весело помахивая хвостом.

— Ты где это ходишь? — закричала Маринка. — Обедать не приходил, чай пить не приходил! А тут все время конница шла.

— Без тебя все знают! — ответил Ганя и повернул к дому.

Маринка заметила, что он устал и что в карманах у него что-то звякает и топорщится.

— Опять в лесу шатался, — проворчала она. — Вот скажу матери!

Но Ганя, не отвечая, снял свои лыжи, убрал их и, придерживая руками карманы, прошел в избу. Маринка поспешила за ним — интересно, что это он притащил.

На улице было еще светло, снег искрился, окрашенный красноватым сиянием печального вечернего солнца, а в избе уже сгущались сумерки. Мать ушла за водой, дед убирал колхозных лошадей. Только бабушка была дома и возилась у печки.

— Куда вас опять леший гонял? — заворчала она на Ганю. — В такое время ходят везде! Бой кругом, бомбы бухают, а они разгуливают, словно замороженные, словно их и пуля не возьмет! Чего натащил опять?

Ганя, забившись за печку, молча разгружал свои карманы.

— Чего натащил, говорю? — закричала бабушка. — Все равно всю твою дрянь в печку побросаю!

— Побросай, — ответил Ганя, — чугуны-то у тебя из печки живо вылетят!

— Он, наверное, каких-нибудь пуль разрывных набрал, — сказала Маринка и, подкравшись, заглянула за печку.

На приступке за печкой красовалось Ганино добро: кусок пулеметной ленты, поблескивающий патронами, смятая красноармейская фляжка, проволока, гайки и болтики, корявый осколок снаряда, испорченный полевой бинокль... С тех пор как по лесам и полям прошел фронт, там, где прятались зенитки и били по врагу из засады, там, где хранились боеприпасы, там, где стояли в лесу красноармейские части, — всюду можно было найти множество интересных вещей.

Маринка подобралась к Гане поближе.

— Это откуда, а? — спросила она, тихонько дотрагиваясь до пулеметных патронов.

— Из окопа, — ответил Ганя.

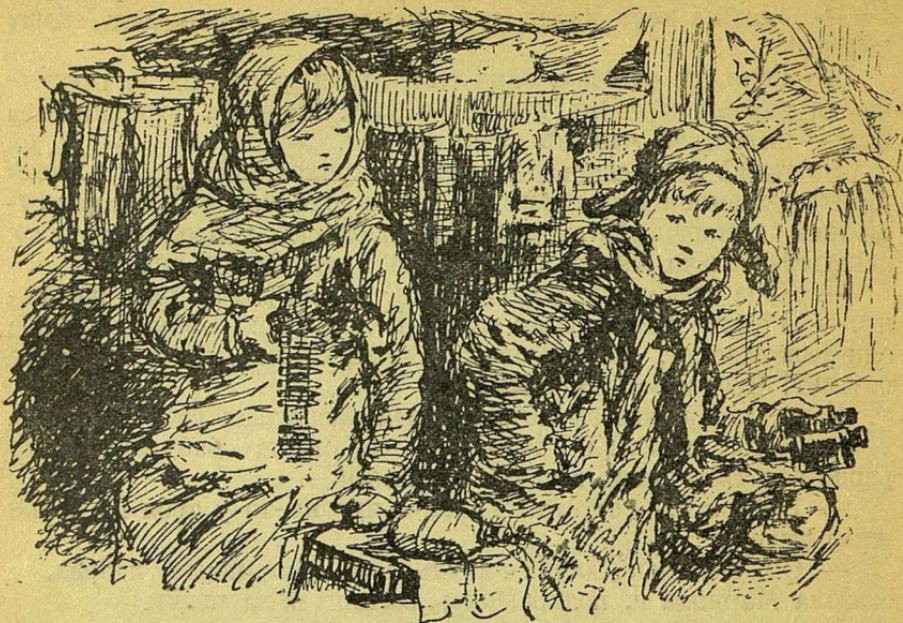
— А вот это?.. Да это бинокль был! Тоже из окопа?

— А это из «Хенкеля», который обгорелый за Отрадой лежит.

— А вон там, в уголке, в синей бумаге завернутое — что это?

— Не трогай! — вдруг закричал Ганя. — Не дотрагивайся!

Маринка отдернула руку.

— Порох, да? — шопотом спросила она.

— Может, и порох, — сурово ответил Ганя. — Только тебя сюда не звали и тебя здесь не спрашивают!

— Зажги лампу, Маринка, — сказала бабушка, — темно становится. Да окно занавесь получше, чтоб не просвечивало.

Маринка завешивала толстой дерюжкой окно, протирала стекло лампы, зажигала ее, а сама то и дело косилась любопытным глазом на таинственный сверток в синей бумаге, до которого нельзя дотрагиваться.

«Он отойдет, а я и посмотрю!» решила Маринка. Но Ганя ее понял. Пока Маринка возилась с лампой, он сунул синий сверток в карман и вышел на улицу. А когда вернулся, в карманах у него уже ничего не было.

— Спрятал, — усмехнулась Маринка. — Прячь, пожалуйста! Хоть все свое добро вынеси да выброси, очень-то мне нужно!

А про себя подумала: «Интересно! Спрятал даже. Ну,

прячь, прячь, все равно разыщу. Разыщу, принесу в избу и положу на стол. Вот ты глаза-то вытаращишь!»

Маринке стало весело, и она совсем забыла про немцев.

КАКУЮ ПЕСНЮ ПЕЛИ СВЕРЧКИ

К ночи за лесами началась стрельба. Ба-бах! Ба-бах! — били за лесом орудия. Бум! — ударяли бомбы. Бум! Бум!

— Батюшки мои, — вздыхала бабушка, — война-то все ближе и ближе! Ну как, бой у нас в деревне будет?

— Да с кем бой-то, — возразила мать, — наши ушли. А немцы сюда и не подойдут. В такую глушь, в такие леса! В снегу им тут завязнуть, что ли?

— Хорошо, кабы не пошли.

— Да и не пойдут.

Маринка влезла к дедушке на лежанку и примостилась у него за спиной, на мягком полушубке. Ганя устал за день и уснул на печке. Как только голова его коснулась подушки, он тотчас засопел носом.

В теплой дремотной тишине трещали сверчки.

— Ты слышишь, как сверчки поют? — спросил дед.

— Слышу, — сказала Маринка.

— А ты разбираешь, какую они песню поют?

— Песню?! Ты всегда, дедушка, что-нибудь придумашь.

— Песню. Вот, слышишь?

Наша печ-ка вы-со-ка,
Наша печ-ка ши-ро-ка...

Маринка улыбнулась, но затихла и прислушалась. И вот удивительно: она и в самом деле услышала, как сверчки весело повторяли эти самые слова:

Наша печ-ка вы-со-ка,
Наша печ-ка ши-ро-ка...

— Слышу... — прошептала Маринка радостно, — слышу!

— А дальше разбираешь?

И на нашей на печи
Не остынут кирпичи.

Чтобы к нам пришла беда
Не поверим никогда!
Где-то там идет война,
Не заденет нас она...

Маринка слушала, затаив дыхание. А потом сказала нахму-
рясь:

— Дедушка, а что же это за песня у них? Они, значит, ни-
какой войны не боятся? Почему же?

— А потому, что им кажется, что их печка крепче всех кре-
постей на свете и что до их печки никто добраться не сможет.

— А если немцы придут да печку разломают?

— А!.. Ну, тогда они совсем другую песню запоют, совсем
другую.

Мать сидела за столом возле лампы и вязала варежки. Она
взглянула на деда, улыбнулась и сказала:

— Палаша, про кого ты говоришь? Уж не я ли такую песню
пою?

— Да нет, — ответил дедушка, — это мы с Маринкой про
сверчков разговариваем.

СТРАХ

Сладкая дрема незаметно подобралась к Маринке. Ленивыми
стали ее руки и ноги, тяжелыми стали ресницы — так и тянет
их вниз, никак не поднимешь...

Но есть еще узенькая щелочка, еще что-то видят Маринкины
глаза. Маринка глядит на пеструю занавеску у печки. Занавеска
желтая, а по желтому полю вытканы коричневые лисички и зе-
леные кустики. И вот занавеска понемногу вся оживает. Тихо-
тихо начинают покачиваться зеленые кустики, словно ветер ше-
велит их... Вот и лисички зашевелились. Ожили — бегают,
играют, шевелят хвостами, безмолвные и беззвучные как тени...

А тут еще и от лампы потянулись во все стороны широкие
желтые лучи — полна изба лучей!..

Больше Маринка ничего не видела, сон одолел ее. Она не
слышала даже, как мать взяла ее на руки и перенесла на по-
стель.

Все уснули. Тихо-тихо было в избе. Только шуршали сверчки

за печкой, похрапывал легонько дед да изредка потрескивали стены от крепкого мороза.

И вдруг среди этой глубокой ночной тишины раздался удар. Удар был такой сильный, что стекла звякнули в окнах и с полки упала стоявшая на краю жестяная чайница. Все вскочили. Маринка вскрикнула. Ганя поднял от подушки свою белокурую вежлооченную голову, но, посмотрев вокруг широко раскрытыми глазами, снова опустился на подушку и засопел носом: сон был сильнее его.

Мать и бабушка поспешно оделись, вышли на улицу. Маринка сунула ноги в валенки — одну в свой, другую в Ганий, — схватила дедов полушубок и побежала за ними. На крыльце от крепкого мороза у Маринки на минуткухватило дух.

Весь народ высыпал на улицу. Тихо стояли у своих дворов и разговаривали вполголоса. Маринка вышла к палисаднику. Безмолвная, снежная, вся седая от инея была ночь. Деревья стояли белые и пушистые. И среди этой снежной ночи над этими белыми деревьями широко разливалось злоещее малиновое зарево огромного пожара.

— Бабушка, что это? Загорелось? — спросила Маринка. — Это станция горит, да?

— Ты куда вылезла? — закричала на нее бабушка. — С постели, да на мороз! Пошла в избу, ну-ка!

— Да ты хоть скажи, где ударило-то. Ну, бабушка!

Но бабушка схватила ее за руку и без разговоров потащила в избу.

Дед сидел на своей лежанке. Он тоже хотел было выйти посмотреть, да никак не мог найти своего полушубка.

— Что там? — спросил он.

— Ой, дедушка, — сказала Маринка, понизив голос, — там все небо красное, все-то небо горит!

Вскоре пришла мать.

— Говорят, мост возле станции взорвали, — сказала она. — Там фашисты.

— Батюшки! Уж на станцию пришли! — всплеснула руками бабушка. — Ой-ой!.. Ну, идет беда и к нам.

Дед опустил свою седую голову.

— Да, — невесело повторил он, — беда идет.

— Ну, будет вам горевать прежде времени, — ласково молвила мать. — Может, идет, идет, да и пройдет мимо! Ложитесь-ка да спите лучше.

Мать улеглась, закуталась в одеяло с головой и замолчала. Но Маринка знала, что она не спит. Бабушка тоже не спала, она все что-то шептала про себя, вздыхала, охала.

Дед молчал, но Маринка хорошо знала, что и он не спит тоже. Только Ганя посапывал на печке.

И понемногу страх, тяжелый, гнетущий страх начал охватывать Маринку. Немцы близко. Они идут сюда; говорят, что они идут не останавливаясь и не задерживаясь. Скоро они будут в их деревне, подойдут к самому их дому, застучат в двери, войдут в избу...

Маринка живо слезла с постели и, шлепая босыми ногами, подошла к деду.

— Дедушка, — шепнула она, — а может, они как-нибудь мимо, а?

— Может, и мимо, — отозвался дед. — Может, им в тыл ударят, так они и вовсе назад повернут.

— Правда, дедушка, или ты просто так?

— Да нет, правда. Откуда мы знаем! Может, им сюда и не путь вовсе. Шоссе у нас нет, а нашими проселками у них и машины не пройдут.

В окнах посветлело, начинался рассвет. Красные злые огоньки, отблески далекого пожара, мерцавшие на морозных узорах окна, стали бледнеть и гаснуть.

Маринка немного успокоилась. Она зевнула раза два, поежилась и снова отправилась на свою постель. Наверное, все так и будет; наверное, немцы сюда вовсе и не придут.

А немцы уже шли по их глухим дорогам.

САМОЛЕТ С ЧЕРНЫМИ КРЕСТАМИ

Утром, только открыв глаза, Маринка тревожно оглянулась кругом: может, тут уже случилось что-нибудь страшное, пока она спала?

Но все было тихо и в избе и на улице. Бабушка мыла в кухне посуду. Ганя развинчивал и разбирал на части найденный

вчера полевой бинокль и тихонько посвистывал. Светлые солнечные полосы лежали на белом полу поперек пестрых дорожек.

— Эй, соня, чай проспала! — сказал Ганя.

— Это ты соня, а не я, — ответила Маринка, — ты и вовсе пожар проспал.

— Вставай, Маринка, — сказала бабушка, — тебя чайник ждет за заслонкой. А вот тут, на шестке, лепешки.

Маринка живо оделась, умылась холодной водой, и все ее ночные страхи как рукой сняло. Она достала чайник, взяла лепешки и уселась за стол. Ей снова вспомнился таинственный предмет, завернутый в синюю бумагу.

— Гань, а Гань, — начала она, — так и не скажешь, да?

— Чего тебе?

— А что в синей бумаге было?

— Мало ли что было. А теперь нету.

— А где же?

— Выкинул. И не приставай!

— А я знаю, — сказала Маринка: — ты в снег зарыл!

Маринка ничего не знала, она сказала просто так. Но Ганя покраснел и быстро взглянул на Маринку. Неужели видела? Вот ведь глазастая! Надо поскорее перепрягать, а то живо залезет!

Пришел из конюшни дед. У него на белых усах намерзли сосульки, шапка и брови заиндевели и валенки скрипели от мороза.

— Встали, — сказал он, — выпались?

Он ласково поглядел на ребят своими синими глазами, снял со стены веревку и снова пошел из избы.

— Дедушка, ты куда? — закричала Маринка. — Подожди, и я с тобой!

— Ну куда ты со мной, чудака-человек? Ведь я же в лес, за дровами.

— Я тоже поеду, — сказал Ганя, — а то ты один-то еще завязнешь там где-нибудь да и не вылезешь.

И стал одеваться. Маринка схватила свой полушубок.

— И я! И я тоже!

— Куда это собрались деду мешать? — заворчала бабушка. — Не видали вас там — носы морозить!

— Я их в лесу свалю в сугроб, а сам уеду, — сказал дед. — Ну-ну, собирайтесь поскорее!

— Не свалишь! — засмеялась Маринка.

Вороная лошадка лениво затрусила по дороге, заскрипели, засвистели полозья по снегу.

Сзади за санями весело мчался Кудряш. В его карих глазах светился задор, морда улыбалась и пушистый хвост радостно торчал кверху. Несколько раз Кудряш пытался вскочить в сани и ухватить Ганю или Маринку за полущубок — уж очень хотелось ему поиграть. Но это ему не удавалось, и он тьякал и повизгивал с досады.

Дорога пошла под гору; лошадка побежала быстрее. Маринка крепко ухватилась за Ганю. Ганя сильный и ловкий. Ни один мальчишка с ним справиться не может! За деда не стоит держаться, он зазевается да и упадет еще. А уж Ганю силой из саней не вытолкнешь.

Вдруг сани закатило, и не успели ребята охнуть, как очутились в сугробе. Ганя и Маринка смеялись, Кудряш тьякал, трепал их за полущубки и не давал вылезти из снега. Дед остановил лошадь.

— Ну вот, — сказал он, — я же говорил, что вывалю в сугроб. Вот и вывалил! Что, не верили?

Ганя вылез первый, за ним выбралась и Маринка. У нее от смеха выступили слезинки и замерзли на ресницах.

— Я тебе, — кричала она на Кудряша, — я тебе задам, противный озорник!

Ребята кое-как отряхнулись и снова уселись в сани.

Розовый от солнца, усыпанный блестками и огоньками стоял над сугробами лес. Было тихо. Треснет где-нибудь сучок или упадет с ветки клочок снега — и уже слышно по всему лесу. Загляделась Маринка на седые от инея деревья, на елочки, прикрытые снеговыми шапками, на огоньки, рассыпанные среди белых веток... Загляделась и притихла.

— Ты что, замерзла? — спросил Ганя.

— Не приставай, — ответила Маринка, — я смотрю.

— А на кого смотришь? Дятел, что ли, где? Или белка?

— Да ни на кого. Я так просто смотрю. Ну, не понимаешь?

На все смотрю.

— Да на что? — оглянулся Ганя. — Ничего и нету!

— Тебе нету, а мне есть!

Дед остановил лошадь.

— Слезайте, приехали.

Дед полез через сугроб к поленнице дров, которую он напил и приготовил еще осенью. Ганя помогал ему таскать дрова. Маринка тоже хотела помочь. Она полезла было за сучьями — сучья мелкие, их таскать нетрудно, а горят они, ух, как жарко! Но только она, осторожно ступая, шагнула в сугроб, как сзади налетел Кудряш и сбил ее с ног. Маринка рассердилась, схватила Кудряша за длинную волнистую шерсть и утопила его в снегу. Кудряш вырвался с визгом, отбежал, отряхнулся. Но едва Маринка поднялась, как он снова налетел на нее, и Маринка сама утонула в сугробе. Маринка кричала на Кудряша, Кудряш звонко лаял, а Ганя смеялся на весь лес.

— Вот шум-то подняли, — сказал дед. — Смотрите, как бы медведи в берлогах не проснулись!

Вдруг дед остановился с охапкой в руках и прислушался:

— Чу! Гудят, никак!

Ганя и Маринка примолкли. Кудряш тьякнул было, но Маринка схватила его и зажала ему пасть рукой.

Над лесом гудело.

— Летят! Наши или нет?

Гул становился все сильнее, все сердитее. И вот над самой дорогой в синем небе появились два самолета. Они ревели и завывали. И летели так низко, что казалось, вот-вот зацепят крылом за елку. И на крыльях у них вместо красных звезд чернели большие зловещие кресты.

— Фашисты летят, — крикнул Ганя, — глядите: фашисты!

— Вот уж как летают низко! — покачал головой дед. — Скажи пожалуйста, совсем осмелели!

Тррр... тррр... — вдруг раздалось сверху. Треск был отрывистый, жесткий.

— Под елку! Под елку! — закричал дед. — Из пулеметов бьют!

Самолеты дали еще одну очередь и пролетели дальше. Гул постепенно затих. Маринка выбралась из снега.

— Дедушка, в кого же это они? — спросила Маринка. — В нас, да?

— Может, и в нас, — грустно ответил дед, — им что же? Видят, кто-то живой тут есть, значит расстреливай.

— Как так расстреливай? — закричала Маринка. — Что же, лес-то их, что ли? Ведь мы в своем лесу ходим. А они в наш лес прилетели да в нас же еще и стреляют!

— Ну, давайте я вас на воз посажу, — сказал дед, — да поедете-ка домой...

Снова заскрипели и засвистели по снегу полозья. Маринка притихла, словно напуганный воробей.

«А ведь они нас застрелить могли, — думала она. — Если бы пуля попала в меня, значит я бы теперь лежала на снегу мертвая. Мертвая... Умерла бы...»

Только вот как это возможно, чтоб она умерла, чтоб она, Маринка, перестала жить? И все-таки это могло вот только что случиться... А если бы Ганю застрелили? А если бы деда?

Страшная картина представилась Маринке: тихий лес кругом, лошадь с возом дров стоит на дороге, а ее брат Ганя лежит на снегу, раскинув руки. А подальше, возле елки, лежит дедушка, и белая борода его в крови. У Маринки так больно сжалось сердце, что она не выдержала и закричала со слезами:

— Дедушка! Поедем же скорее! Поедем поскорее, а то они опять прилетят! Ой, дедушка!

— Ну вот еще, — сурово сказал Ганя, — расплакалась! — И отвернулся, насупив свои темные прямые брови.

— Полно, полно тебе, Маринка, — ласково произнес дед, — они уже далеко. Их и не видно даже.

А потом понурил голову и сказал еле слышно:

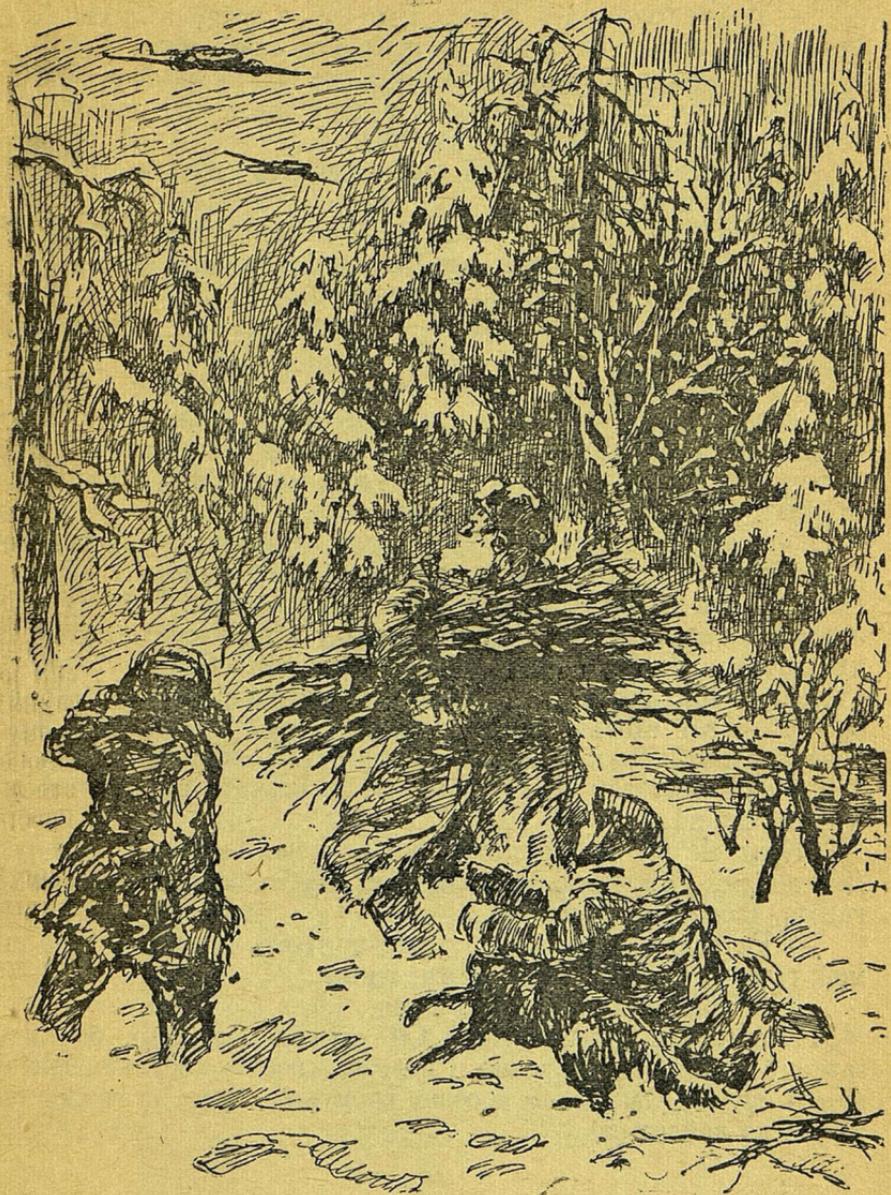
— Да, осмелели. Хочешь не хочешь, а, видно, придется нам встречать лихого гостя... Как переживать будем?

И задумался, замолчал.

ГАНИН СЕКРЕТ

В доме была суматоха.

— Слыхал? — сказала бабушка деду. — Фашисты-то уже в Петровском. Не нынче-завтра здесь будут.

Дед крикнул и ничего не ответил.

— Давай раздевайся скорее, надо яму в подполье рыть. Хоть валенки да шубы попрыгать. Да и хлеб закопать надо.

Среди кухни стоял открытый сундук. Вещи ворохом лежали на приступке. Мать завертывала в дерюжку новые шубы. Бабушка совала в мешок новые валенки.

— Зря затеваете вы все это, — сказала мать. — Неужели они так все и отберут?

— Ничего не зря! — ответила бабушка. — Не гостя, чай, ждем, а врага. А врагу ведь что вздумается, то он и сделает.

Дед взял заступ и полез в подпол.

— Ганя! — крикнула мать. — Ганька, где ты? Иди помоги деду яму копать.

А у Гани была своя забота. Маринка, эта хитрая девчонка, побежала к подружкам; она там обязательно скажет, что Ганя нашел какую-то интересную вещь и никому не показывает. Уж как-то догадалась, что он эту вещичку в снег зарыл. Надо перепрятать, а то они живо разнюхают.

Ганя вырыл из снега свою находку, развернул бумагу, посмотрел, полюбовался. Это была круглая, английского образца граната. Он нашел ее в лесу, возле самого окопа. Ребята тогда завидовали ему, зарились на его находку и предлагали обмен на что хочешь. Но Ганя не обменялся. Вот еще! Она ему самому нужна. Летом, когда рыба пойдет, эту гранату можно в омут бросить — вот сколько рыбы оглушит сразу! Только вот надо узнать, взрывается в воде граната или нет. А если нет, ну что ж! Тогда они запустят ее куда-нибудь в овраг — вот-то, наверное, бабахнет!

«Куда же бы это спрятать ее? — думал он. — В солому? Дед вилами наткнется. На овчарник? Бабка полезет в куриные гнезда, взорвется, пожалуй...»

— Ганька! — раздался на крыльце голос матери. — Иди домой, говорю! Ступай деду помоги, живо!

— Сейчас иду! — крикнул Ганя.

Раздумывать было некогда. Он сунулся во двор, бережно завернул гранату и положил в первое укромное местечко, попавшееся ему на глаза, — за коровью кормушку. Здесь девчонки ни за что не найдут ее!

ВРАГ ПРИШЕЛ

Утром сорока верещала у самого окна.

— Быть беде! — сказала бабушка. — Уж эта навережит обязательно.

Утро было ясное, морозные окна искрились от солнца. Мать ушла в ригу молотить овес. Ганя пошел с ней — подавать снопы. Маринку бабушка усадила раздергивать шерсть для пряжи, а сама села за стан ткать половики.

Нераздерганная шерсть лежала плотными прядками, будто кучка рыжеватых сосулук. Маринка разбирала эти сосульки по волокнышку, выкидывала сор и репы. И шерсть становилась легкой и пушистой, словно это было облачко, присевшее на край стола.

В оттаявший кусочек окна видно было синее небо, тонкие ветки липы и крышу сарая, горбатую от снега. Во дворе дедушка широкой лопатой разгребал сугробы. Два воробья сели на резной наличник и — тук-тук — застучали в стекло маленькими клювами. В окнах, между рамами, на белой вате лежали крупные кисточки засохшей рябины. Воробьи увидели ее.

Маринка с жалостью смотрела на них.

— Крохотки, — прошептала она, — беденькие!

Она вынула из стола кусок хлеба, раскрошила его, открыла форточку и бросила воробьям. Но воробьи испугались, вспорхнули вверх, а хлеб подхватили куры.

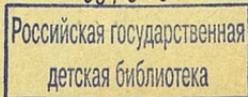
— У, противные! — крикнула Маринка. — Вы-то как будто голодные! Такие жадины!

— Ты что скандалишь там? — спросила бабушка. — С кем это?

— Бабушка, ты сама подумай! — сказала Маринка. — Ну чего воробьям поесть? Ведь они малюсенькие, а тут морозище, погреться им негде и поесть нечего. Как же им жить?

— Вот фашисты сожгут нашу избу, — вздохнула бабушка, — тогда неизвестно, как и нам-то жить будет.

Маринка примолкла. Она попробовала представить себе, что их дом сгорел и все дома сгорели, а кругом снега, выгнаны и лютый мороз... И спрятаться некуда, и погреться негде... Нет, это так страшно, что даже и представить себе нельзя!

— А воробьев да синиц маленько выручить можно, — продолжала бабушка. — Надо попросить деда, пусть принесет из риги овсяной снопок да насадит на шест повыше. Вот-то у них пойдет пир горой!

— Правда! — обрадовалась Маринка. — Только поскорее надо! Я, пожалуй, сейчас сбегаяю. — И схватилась за полушалок.

В дверь постучали. Бабушка вскочила.

— Кто там?

В избу вошли двое — старик и молодая женщина. У женщины на руках был грудной ребенок.

— Пустите погреться, бабушка, — сказала женщина, — замучились совсем, застыли!

— Проходите, — сказала бабушка.

Старик уселся у двери на лавку и понурил голову. Женщина стала разворачивать ребенка. Вошел и дед со двора — ему хотелось узнать, что за люди завернули к ним в дом.

— Откуда идете-то? — спросил дед.

— Из Лоптова, — сказала молодуха. — На Подсолнечную с отцом пробираемся, к родным. Может, хоть у тех цело что-нибудь. У нас-то ничего не осталось.

— Немцы?

— А как же? Все пограбили да пожгли. Все дочиста. Ни кола, ни двора не оставили!

— Где деревня стояла, теперь чистое поле, — грустно сказал старик, — где наши дома были, теперь сугробы намело. Нету Лоптова больше... Так-то...

— А с народом-то как? — спросила бабушка. — Не мучают народ-то?

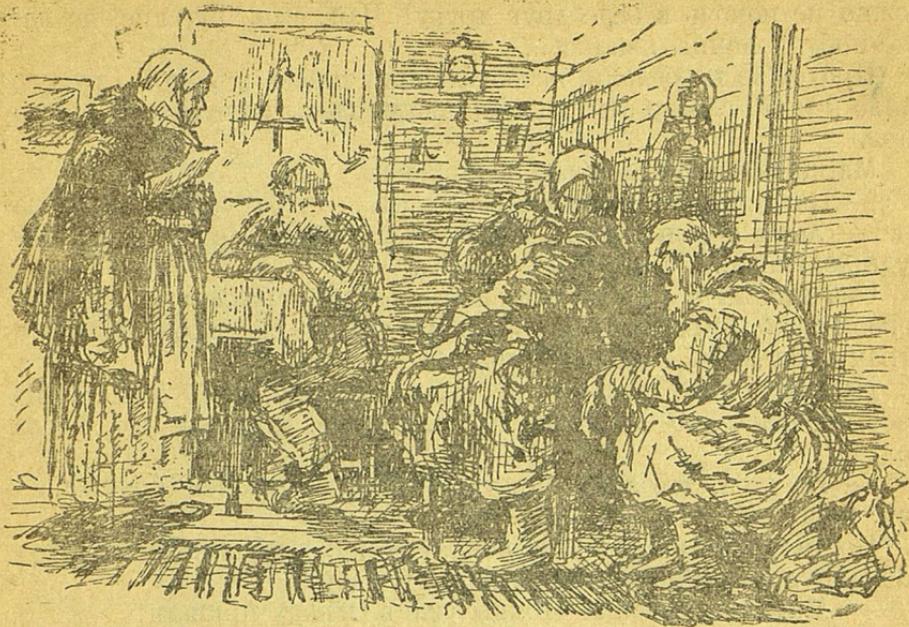
— Как же не мучают! — покачала головой молодуха. — У нас возле дороги на деревьях повешенные висят. Не по слухам говорю, своими глазами видела.

— Батюшки мои кровные! — вздохнула бабушка. — До чего мы дожили!

— И народ из деревень угоняют, — сказал старик. — Вот у нас собрали молодежь да и погнали куда-то... А сколько убитых на полях лежит! Смотреть страшно!

— А далеко они сейчас-то? — спросил дед.

— Что ты, дедушка, какое далеко! — воскликнула молодуха.

ха. — Да они уже в Нудоли теперь. По следу за нами идут. Не уйдешь от них никак, не утратишься.

— В Нудоли! — ахнула бабушка. — Да ведь это они к вечеру у нас будут! Ох, кровные мои! Что делать?

Бабушка заплакала. Женщина, тоже плача, завернула ребенка, накормила его.

— Ну, пойдём, отец, — сказала она. — Спасибо, люди добрые, за привет!

— Бабка, ты бы им собрала щец похлевать, — сказал дед. — Люди в пути, как же быть-то?

Бабушка налила прохожим горячих щей, нарезала хлеба.

— Не думал я, что придется мне побираться на старости лет, — вздохнул старик. — Жили-то мы хорошо. Дом полная чаша был.

— Что ж ты сделаешь! — ответил дед. — Надо переживать как-нибудь тяжелое время. Да ничего, люди помогут! Разве же

можно не помочь в беде друг другу! Чай, свои, русские, не какие-нибудь немцы явились...

Прохожие пообедали, поблагодарили хозяев и ушли. Грустно стало в избе, словно эти люди оставили здесь черную тень своего горя.

Маринка тихо отложила полушалок.

— На деревьях повешенные висят... — про себя повторяла она, — люди повешенные... Может, чей-нибудь отец или чей-нибудь дедушка... На деревьях висят...

Она забыла и про шерсть, которую надо раздергать, и про воробьев, которых надо кормить. В глазах ее снова появился страх и на душе стало тяжело.

Бабушка тоже больше не села за стан. Она ходила по избе, бралась то за одно, то за другое и ничего не могла делать.

— На стол, что ли, собирать, — сказала наконец бабушка, — чай, наши скоро обедать придут...

Но только она взялась за нож, чтоб нарезать хлеба, как вдруг распахнулась дверь и мать вбежала в избу:

— Мамаша, мамаша! Немцы уже в Отраду пришли!

Бабушка бросила нож.

— Батюшки, а мы и подушки еще не спрятали! И перину не вынесли! Аннушка, бери скорей перину, неси в овраг!

Сама она схватила охапку подушек и побежала на улицу. Но тут же и вернулась с плачем.

— Они уже здесь! Они уже в гору поднимаются!

Маринка вскочила, бросилась к матери. В испуганных глазах ее дрожали слезы.

— Ничего, ничего, дочка, — сказала мать, — давай с тобой не бояться. Ладно?

Мать вошла в горницу. И никаких подушек она не стала собирать, никаких перин не стала вытаскивать. Она только сняла со стены карточку мужа и спрятала у себя на груди.

— А чего бояться? — спокойно говорила мать. — Подумаешь, немцы! Твой отец теперь их из пулемета знаешь как бьет! Бояться их еще!

Маринка видела, что руки ее дрожат и какие-то необычные красные пятна появились на лице. Но она улыбалась, и

Маринка никак не могла понять: то ли мать утешает ее, то ли вправду ничего не боится.

Дед оделся и пошел посмотреть, как идут враги. Маринка отправилась с ним, уцепившись за полу его полушубка.

У дворов стоял народ. Ребятишки толпились возле самой околицы. Ганя тоже был с ними. Маринка отцепилась от деда и подошла к девочкам, стоявшим у дороги. И тут они увидели немцев.

Немцы шли из-под горы мимо деревни — чужие солдаты, по-чужому одетые. На снегу их шинели казались совсем зелеными.

Они ехали на конях, сдвинув пилотки на ухо. Они насмешливо и как-то снисходительно улыбались, поглядывая на безмолвных людей, стоявших у околицы, и крикливо переговаривались о чем-то. Странно было Маринке слышать здесь, в Зеленой Горке, такие непонятные картавые слова.

Офицер ехал на высоком коне. Он сидел, упершись рукой в бок, и ни на кого не глядел.

— Ишь ты, щеголи какие, вырядились! — вполголоса сказал дед. — Подождите, это еще морозов больших не было, а вот как прихватит хорошенько, пожалуй попляшете в своих холодных сапожках-то!

— Они еще, видно, русской зимы не пробовали! — подхватила соседка. — Ну, ничего! Они ее узнают, фашисты проклятые!

Конница прошла и скрылась за лесом, а немного погода из-под горы показались мотоциклы. Мотоциклисты сидели, неподвижно пригнувшись к рулю. На них были темные серо-зеленые плащи и железные каски. Лиц почти не было видно. И казалось, что это не люди сидят, а какие-то неподвижные зловещие куклы.

Мотоциклы долго шумели по дороге. Они шли тяжело, зарывались в снег и проходили мимо, туда, к железнодорожной линии, к Солнечногорску.

Мотоциклы прошли. Дорога затихла и опустела. День уже клонился к вечеру. Немцев больше не было.

— Вот, на наше счастье, мимо прошли! — обрадовались колхозники в Зеленой Горке. — К нам даже и не заглянули!

Но рано они обрадовались. Из-под горы с хриплым ревом показались огромные грузовые машины. Они были трехосные,

с толстыми колесами и высоким крытым верхом, как фургоны. Гудя и хрипя, машины притормозили у околицы и медленно одна за другой повернули в деревню. Маринка в страхе бросилась домой.

БУДРЯШУ «КАПУТ»

Загремела калитка, в сенях послышался громкий нерусский говор. У Маринки екнуло сердце. «Идут!»

Фашисты, гремя сапогами, вошли в избу. Ни на кого не глядя, они прошагали прямо в чистую горницу и сразу наследили на белом полу.

— Матка, комм! — сказали они. — Иди сюда!

Бабушка подошла.

— Здесь будут жить германские зольдаты. Здесь они будут спать. Ты, матка, и пани, и пан, и кинд...

— Какой кинд? — спросила бабушка.

— Вот этот, — немец показал на Ганю и на Маринку по очереди, — вот этот и этот — все будут спать там, кюхе.

— В кухне?

— Да, да, в кухне.

— А вот это все, — немец показал на постели, — это все — форт! (Прочь!) В кюхе. Убрать!

Солдаты вышли и что-то написали мелом на двери. Дед попробовал прочитать, но ничего не понял, разобрал только цифру 8.

— Это значит восемь человек сюда, — догадался Ганя.

— Забирайте свои вещи из горницы, — сердито сказала бабушка, — теперь, видишь, горница-то, оказывается, не наша!

— Как так не наша? — нахмурился Ганя. — А мы как же?

— Так вот и не наша, — ответила бабушка, — вишь, новые хозяева явились. Не возили, не строили — дом нажили. А мы теперь вроде собак, мы и у порога можем!

Маринка забрала из-под лавки своих кукол. Под лавкой у них была очень хорошая комната — с занавесками, с картинками. Там стоял у них деревянный столик и кровать, покрытая пестрым одеяльцем. Маринка сняла занавески, связала в узелок всю мебель, захватила все это в охапку и вынесла в кухню.

— Бабушка! А где же теперь мои куклы спать будут?

— Вот еще, с куклами! — закричала бабушка. — Сунь вон их под печку. Спроси, где ты сама-то спать будешь!

Бабушка сняла со стен платья и полотенца, мать собрала с постелей одеяла. Все вынесли в кухню и сложили на лежанку.

— Как беженцы все равно! — сказал Ганя.

— Типун тебе на язык! — ответила бабушка. — Накличешь еще новую беду!

— Ну что ты уж так пугаешься? — возразила мать. — Если так случится, разве добрые люди не помогут?

— Помочь-то помогут... Только чужие порожки круты, а чужой хлеб, матушка, вот как горек!..

Заскрипел на улице снег, застучали каблучки по ступенькам крыльца, послышались голоса...

— Вот они, — буркнула бабушка. — Встречайте гостей!

Вдруг из сеней выскочил Кудряш и залаял во всю глотку. Мать поспешно вышла.

— На место, Кудряш, на место!

Маринка бросила своих кукол и тоже выскочила в сени. Возле крыльца стояли немцы. Один из них поднялся по ступенькам. У него на плечах блестело серебро, а на петлицах был отчетливо виден зловещий значок — череп и кости. Это был какой-то начальник, может быть офицер. Он остановился, потому что Кудряш не давал ему пройти. Кудряш метался возле двери, шерсть у него на загривке встала дыбом, он злился, лаял и бросался на офицера, не обращая внимания на окрики.

Офицер не спеша вынул из кобуры револьвер. Маринка охнула и выбежала на крыльцо.

— Молчи, Кудряш, молчи, дурак! — закричала она. — Перестань!

И, схватив Кудряша за длинную шерсть, потащила его к себе.

— Он не тронет, он вас не тронет, — поспешно заговорила Маринка, — он только лает, он такой дурак у нас! Не убивайте его! Ведь он просто глупый!

Офицер поглядел на Маринку, и в его серых глазах блеснул холодный нетерпеливый огонек.

Он ткнул дуло револьвера Кудряшу в широкий лоб, в самую ложбинку. Хлопнул выстрел. Кудряш взвизгнул, ткнулся носом

в морозные доски и замолк. Офицер, столкнув его ногой с крыльца, прошел в избу. Маринка закричала.

Солдаты и ефрейторы прошагали за офицером. Все они проходили мимо Маринки и с усмешкой поглядывали на нее. Один солдат с черными, выпуклыми, как у рака, глазами подмигнул ей и сказал:

— Кудряш — капут?

А Маринка громко рыдала над своим милым Кудряшом. Она подняла его голову и, плача, глядела на его добрую морду. Озорные карие глаза уже не видели Маринку. Из черных ноздрей Кудряша показалась темная струйка крови и смочила его мягкую желтую шерсть.

— Бедный ты мой, — причитала Маринка, — бедненький ты мой, бедненький!

Мать молча сошла с крыльца, схватила Маринку за руку и увела в избу.

А Кудряш так и остался лежать у крыльца на высоком сугробе.

ФАШИСТЫ ЖИВУТ В ДОМЕ

Странные, жуткие начались дни. Немцы жили в горнице, спали на хозяйских кроватях и с утра до вечера топили маленькую печь-голландку. Большую печь в кухне тоже приходилось топить и утром и вечером: утром немцы варили себе завтрак, а вечером ужин. Маринке казалось, что стало душно жить. И от жары душно, и от хлопот, которыми были заняты целый день мать и бабка, и от тесноты, и от какого-то тягостного чувства, которое томило ее и которого она не могла понять.

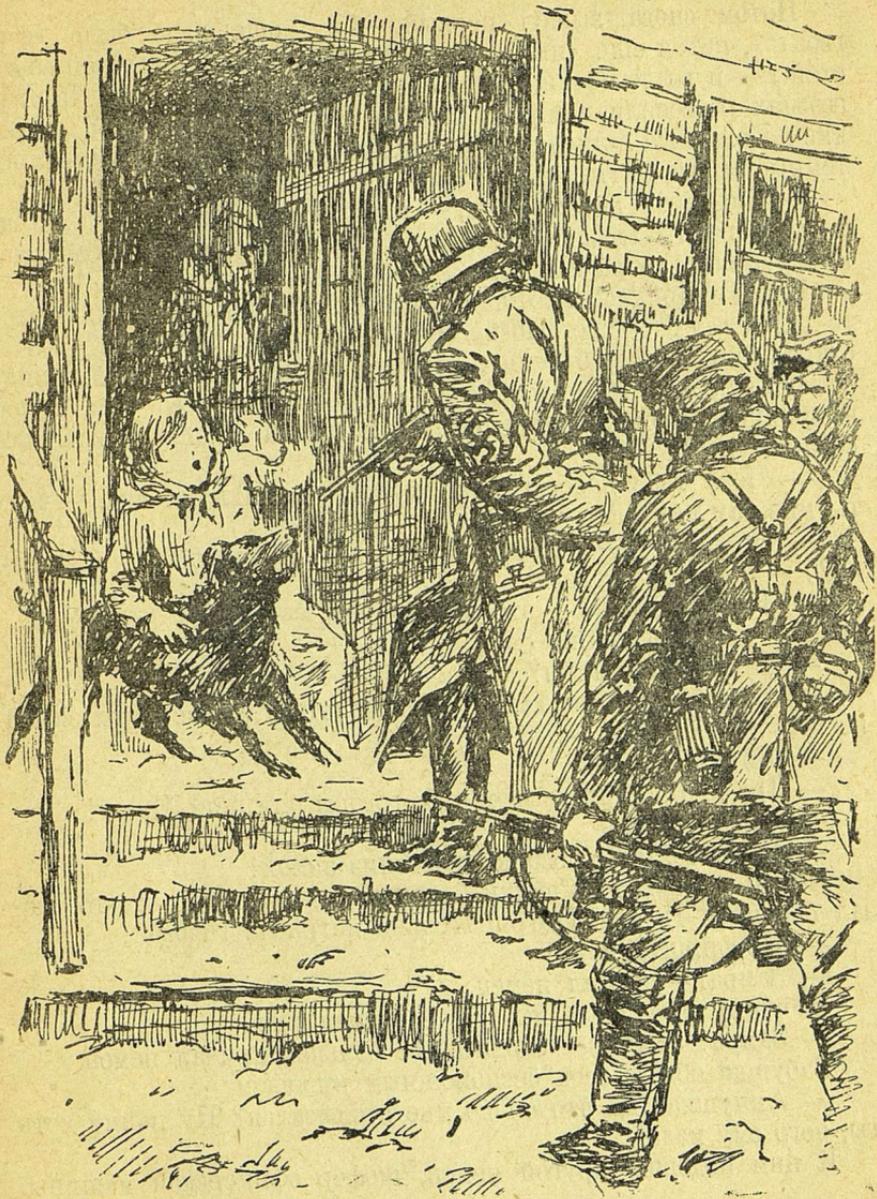
Немцы в первый же день, как только сбросили с плеч шинели, сейчас же потребовали горячей воды для мытья, горячей картошки на ужин и гвоздей.

— Цвай гвоздь! — сказал один, выходя на кухню, и показал Гане два пальца.

Ганя достал ящичек с гвоздями и подал ему два. Тут же вышел другой и показал три пальца:

— Мне драй гвоздь!

Ганя дал.

Потом снова вышел первый — ему еще надо было «фир гвоздь», потом еще «цвай». Они набили в горнице гвоздей во все стены — и возле печки, и над столом, и над кроватями. На этих гвоздях развесили немцы походные сумки, фляжки, свои широкие нескладные шинели. От шинелей по белым обоям растеклись темные сырые пятна.

— Все обои изуродовали, — ворчала бабушка. — Ишь, принесло чертей! Люди берегли, а они уродуют. Да разве басурманам русского добра жалко!..

Когда сварилась картошка, вышел толстый ефрейтор и что-то приказал бабушке. По-русски он говорить совсем не умел и старался жестами объяснить, что ему нужно. Бабушка не понимала, он сердился, краснел от раздражения и во весь голос выкрикивал свои немецкие фразы. Бабушка наконец тоже рассердилась.

— Чего тебе надо, говори толком, — крикнула она, — чего ты мне там немтуешь?

— Картошка! — крикнул немец. — Ферштейн? (Понятно?) — и закивал головой.

— Ну, картошка — это я понимаю, — сказала бабушка, — это я — да, фирштейн.

— Яйки! Ферштейн?

— Яйки? Ишь ты какой! Яиц захотел! У нас куры зимой не несутся. Нету!

— Яйки!

— Нету! Русским языком тебе говорю или нет? Не-ту!

— Никс?

— Конечно, никс! Какие тебе яйца зимой!

Немец вытащил из сумки баночку кофе и опять что-то сказал бабушке. Бабушка отрицательно потрясла головой:

— Не фирштейн!

— Замра! — сказал немец.

Бабушка уставилась на него в недоумении.

— Замра! Замра! — сердясь все больше, кричал немец.

Бабушка обвела всех беспомощным взглядом.

— Аннушка! Да что он ко мне привязался? Ну пойми хоть ты, чего ему надо!

К ним подошел другой немец, шофер офицерской машины.

— Самау, — объяснил он, — самау! Ферштейн?

И похлопал рукой по самовару.

— Самовар! — догадалась бабушка. — Ну так бы и говорил, рыжий чорт! А то орет...

— Не ругайся, что ты, — шепнула мать, — стукнет еще!

— А что он понимает, что ли, фашист проклятый! Не люблю, пусть не слушает, мы их сюда не звали. Замра несчастная!

Через кухню с докладом к офицеру целый день ходили солдаты. Не отряхивая заснеженных ног, они проходили к дверям горницы, щелкая сапогом об сапог, отдавали честь и рапортовали что-то. Получив распоряжение, уходили снова. Некоторые задерживались, садились покурить на приступке, галдели, лезли в печку за картошкой... Было людно, суетно, дымно и грязно, как на постоялом дворе. Маринке казалось, что это не их родная изба, а чье-то чужое жилище, куда может заходить каждый, кто захочет, и занять любое место. Она заглядывала в горницу и не узнавала ее. Пол был черный, синий дым от папирос висел, как облако, стены увешаны чьими-то чужими вещами, белые обои оборваны, испачканы.

Чтобы не быть дома, Маринка с утра убежала на улицу. Но и там было невесело. Каждый день приносил новые несчастья. Старуху Настасью Рогожкину немцы выгнали из дому: им показалось, что она жалеет дров и рано закрывает печку. Настасья целый день, как бесприютная собака, ходила вокруг своей избы. Несколько раз поднималась она на крылечко и открывала дверь в свою избу, но из избы выскакивал немец и, громко ругаясь, пинками гнал ее обратно.

У Турчановых выгнали из дому ребятишек. Ребятишек у них было шесть человек и всё маленькие. Не понравилось это немцам — и тесно им и спать не дают... Выгнали их на улицу кто в чем был. Мать бросилась было за ними, но ей пригрозили наганом и приказали остаться, чтоб она топила печку и убиралась в избе. Сергунька, самый маленький, уцепился за мать и начал реветь. Тогда солдат, стиснув зубы, схватил его за руку и пихнул прямо в сугроб. Ребятишки Турчановы стояли среди улицы, дрожали. Хорошо, что Марья Петрова вышла и забрала Турчановых ребятишек к себе, а то бы, пожалуй, им не сдобровать. У тетки Марьи кухонька маленькая, отдельно от горницы;

туда немцы не заходили. Маринка видела все это и сама плакала.

Каждый день слышны были по деревне жалобы — там кур порезали, там перегородки в доме поломали и пожгли, там отыскали и поели спрятанное мясо, там закололи поросенка...

Лучше всего было, когда Маринка уходила с девочками на гору или на пруд. Там можно было и покричать, и посмеяться, и поиграть в снежки. И ни один немец не косился на них и не каркал им своих непонятных слов.

Но ходить по деревне можно было только днем. Лишь только наступали сумерки, надо было торопиться домой. Вечером и ночью по деревне ходили патрули в длинных белых халатах, с автоматами за плечами, страшные как привидения, и грозили застрелить всякого, кто выйдет на улицу.

Но день был короток, а вечера длинны. Как они были тоскливы, эти душные, угарные, полные ненавистного немецкого говора вечера! Маринке казалось, что у нее от этого говора устают уши.

Чтобы не попадаться фашистам под ноги, Ганя и Маринка бесконечные вечерние часы просиживали на лежанке или забирались на печку. Маринка рассказывала Гане свои сны. А сны ей снились всё невеселые, иногда даже страшные.

Ганя был угрюм и задумчив и старался держаться поближе к деду. Он помогал ему разгрести снег во дворе, колол с ним дрова, укладывал поленицу. Ганя видел, что дед шибко затужил — таким он стал молчаливым, таким понурым. Гане хотелось как-нибудь подбодрить деда, как-нибудь утешить, только он не знал таких слов, которыми утешают. Но дед и без слов очень хорошо понимал его.

— Дров-то, дров-то что жгут! — сокрушался дед. — Да всё сушняк выбирают. На год нам хватило бы... А тут, вишь вот, все прахом пошло.

Ганя молчал. Ему самому очень жалко было дров. Эти дрова еще отец навозил им — как раз перед войной сложил поленицу. За лето они выветрились, выжарились на солнце. Отец еще сказал тогда: «Ну, старые да малые, теперь вам топить без забот!» Разве думал он тогда, что готовит эти дрова для заклятых своих врагов!

Дед, словно чужой, боялся войти в свою избу. Он как входил,

так и присаживался у порога и сидел там тихонько весь вечер. Однажды Маринка вспомнила, что у нее в горнице осталась коробка, очень хорошая коробка с красным цветком.

«Пойду возьму», решила она.

Но только она открыла дверь и переступила порог горницы, толстый ефрейтор с удивлением приподнял брови.

— Форт! Форт! — негромко сказал он и, повернув Маринку за плечи, вытолкал ее из горницы.

Вечером, когда они все трое — Маринка, Ганя и дедушка — ютились возле печки, Маринка сказала потихоньку:

— Дедушка, знаешь что? А ведь бабушка-то правду сказала: горница ведь теперь не наша стала. Ведь у нас теперь горницы нету.

— Не только горницы у нас нет, внучка, — ответил дед, — но и дома у нас сейчас нету... Ну, да это ничего! Не навек мы им достались. Вот придут наши да так ударят, что эти проклятые вылетят отсюда без оглядки. И дорогу забудут, как в Россию ходить! Никогда того не бывало, чтоб русский народ на своей земле врага терпел!

КАК УМИРАЮТ ЛЮДИ

Немцы накидали кучу своего грязного белья и приказали матери выстирать. Мать выстирала белье, сложила его на салазки и отправилась на речку полоскать. Маринка увязалась за нею, она рада была куда-нибудь отлучиться из дому.

Мать шла впереди и тащила салазки с мокрым бельем. Маринка шагала за салазками. Тропочка была узкая и глубокая, пышные серебряные сугробы лежали по сторонам. Высокие ольховые кусты звенели тонкими обледеневшими ветвями и сверкали под синим небом. Было тихо; казалось, земля отдыхает под снеговым пуховиком и радуется своему глубокому покою.

— Как хорошо! — сказала Маринка. — Будто все, как раньше! Будто и войны у нас нет и немцев нет!

Вдруг мать остановилась, и Маринка налетела на салазки.

— Что ты?, — спросила она.

Мать не ответила. Она глядела в кусты. Сквозь редкий

ольшняк, пригибаясь и прячась, бежали какие-то люди. Они бежали под гору, к реке, где кусты были гуще. До реки было недалеко, только перебежать маленькую открытую полянку. Но как только выбежали они на эту полянку, защелкали винтовочные выстрелы, и люди один за другим попадали в снег. Тот, что бежал впереди, упал и не шевельнулся больше. Другой попробовал приподняться; снег под его правой ногой быстро потемнел от крови.

В кустах замелькали зеленые немецкие мундиры. Немцы окружили людей, лежащих на снегу. Подбежали и стали толкать их ногами и прикладами. Раненый приподнялся и сел. Ему приказали встать. Он хотел встать и не мог. Тогда один немец подошел и выстрелил ему прямо в лицо. Человек упал. Немцы вскинули винтовки на плечо и, не оглядываясь на убитых, пошли обратно в гору, к деревне.

Все произошло очень быстро, так быстро, что Маринка даже сообразить не успела, что такое случилось.

— Мамушка, что это, — растерянно сказала она, — они их убили, да?

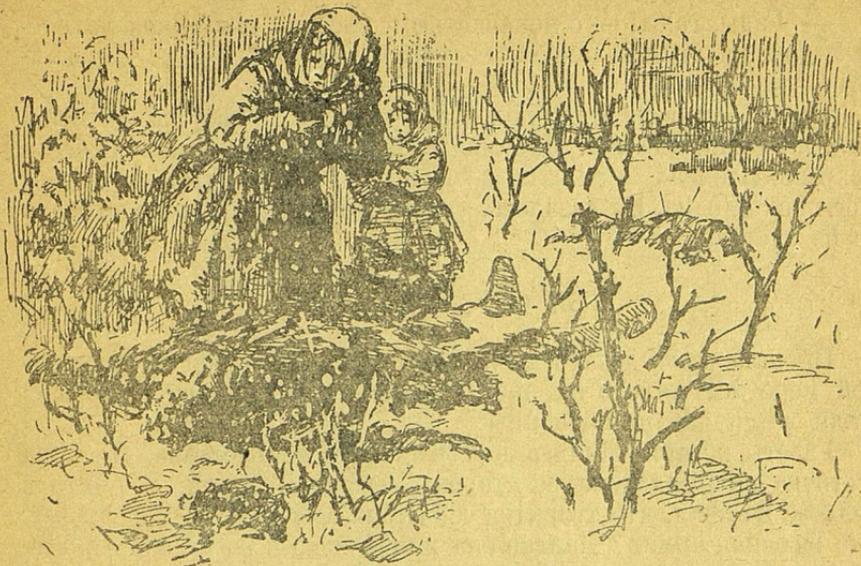
Мать не отвечала. Губы ее были стиснуты, между черными, прямыми, как у Гани, бровями прорезалась глубокая морщинка и как-то сразу состарила ее румяное лицо.

Мать бросила салазки и полезла через сугроб к убитым. Маринка полезла тоже. Снег заваливался ей в валенки, таял внутри, и ноги застывали. Но Маринка не отставала от матери.

Совсем молодой парень, почти мальчишка, лежал на снегу, раскинув руки. Шапка ушанка свалилась с его головы, в темных кудрях запутались комочки снега, и эти комочки не таяли. Другой был старше. У него над переносицей Маринка увидела черную дырочку — сюда ударила пуля. Она никак не могла поверить, что эти люди умерли. Как это так? Ведь они только что были живы, Маринка видела их — они бежали через кусты, пригибались, прятались... И вот они уже мертвы! Мать взглядела в лица убитых.

— Да ведь это нудольские! — прошептала она. — Это Ваня Хмельков, а это Шалихин из райкома. Как же это они попались, а?

Морщина между ее бровями стала еще резче.

— Мамушка, а за что они их? — спросила Маринка.

— Да ведь они в партизанском отряде были. Говорят, партизаны у фашистов целый склад снарядов взорвали. Вот их теперь и ловят.

Мать вздыхала, скорбно покачивая головой. Маринке сделалось тоскливо и страшно. Она дернула мать за рукав:

— Мамушка, пойдем! Пойдем скорее отсюда!

Мать молча повернулась и пошла к салазкам.

Прорубь была глубокая. Чистая, словно живая, под неподвижным льдом струилась вода. Знакомые камушки видны были на дне, они напомнили Маринке лето. Но это светлое воспоминание не могло отогнать ужаса, который все больше и больше охватывал Маринкино сердце. Хотелось броситься, убежать куда-нибудь. Но куда бежать? Домой? Но разве дома не так же страшно? Там живут, ходят и разговаривают те, кому ничего не стоит убить человека. У них даже на петлицах смерть — череп и кости.

— Гады, гады! — с ненавистью и слезами повторяла мать.— И я должна этим гадам белье стирать! О, гады, гады проклятые!

Она с остервенением полоскала рубахи немцев и, не отжимая, швыряла в санки. Маринка стояла и молча ждала. У нее в мокрых валенках застывали ноги, но она ни за что не хотела идти домой одна. Ей казалось, что немцы обязательно подстрелят ее из кустов.

ЧЬИ ОРУДИЯ БЬЮТ?

Прошло всего десять дней, а казалось, что прошло по крайней мере лет пять с тех пор, как немцы поселились в деревне. Люди жили как придушенные.

Газеты не приходили в деревню, почта не работала. Ни одна весточка не приходила со стороны советской земли. И никто в колхозе не знал, что творится сейчас на белом свете. Где фронт? Где Красная армия? Далеко она или близко и когда она вернется и выбьет проклятую зеленую саранчу, засевшую на родной земле?

Немцы жили как будто спокойно и не собирались уходить. И деревенским людям казалось, что Красная армия вернется не скоро и что много еще придется им вытерпеть всего за это время.

На одиннадцатый день, утром, офицер потребовал молока. Толстый ефрейтор притащил откуда-то двухведерный бидон и объяснил, что пан пойдет в Корешки и привезет оттуда молоко. Он показал рукой, сколько должно быть молока — по самое горло огромного бидона.

— Кто пойдет за молоком? — спросила бабушка. — Кто пойдет: я?

Ефрейтор затряс головой:

— Никс, матка, никс. Пан!

И показал на Ганю.

Ганя обомлел. Он пойдет собирать для фашистов молоко по деревне?!

— Я не пойду, бабушка, — гневно сказал он, — пусть идут сами. Я не пойду!

— Молока нике в деревне, — обратилась бабушка к немцу, — молока нике! Фирштейн?

Ефрейтор разделявал на столе свежее мясо — немцы только что привели из соседней деревни корову и зарезали ее. Он отмахнулся от бабки рукой:

— Филь! (Много!)

— Нет молока в деревне, коровы не доятся сейчас, — настаивала бабушка. — Русским языком тебе говорю: коровы не доятся!

Немец опять отмахнулся и еще раз показал, сколько должно быть молока.

Ганя был угнетен. Ну как это он будет ходить по дворам, собирать молоко? Если бы для своих, если бы, например, для раненых красноармейцев, тогда разве он не пошел бы! Он бы выпросил, он бы уговорил, он бы по кружечке собрал! Да и просить не пришлось бы, каждый бы дал, сколько мог. Но для фашистов! Для врагов своих, для душегубов этих он пойдет молоко собирать? Нет!

С улицы с ведрами в руках вошла мать.

— Вроде опять бьют где-то, — негромко, с затаенной радостью сказала она, — слышите?

Все прислушались. Далеко глухо ударили орудийные залпы.

— Уж не наши ли? — прошептала бабушка.

Ганя схватил шапку и побежал на улицу.

— Пан! Па-ан! — заорал ефрейтор. — Хальт! Хальт!

Ганя остановился. Немец приказал ему взять бидон и вынести на улицу. К крыльцу подъехали сани; в них была запряжена любимая дедова вороная лошадка. На ней уже ездили куда-то, она вся дымилась, а морда ее совсем заиндевела и обросла сосульками. В санях сидел молодой немецкий солдат. У него было такое кислое выражение лица, что казалось, этому человеку весь свет не мил и все надоело.

— Садись, — сказал он Гане недовольным голосом.

— Мама, я не поеду, — со слезами обратился Ганя к матери. — Мамушка!

— Садись! — закричал фашист и замахнулся на него ремненным кнутом.

— Поезжай, поезжай, сынок! — испуганно сказала мать. — Что ты! Садись скорее, а то он тебя отхлещет.

— Ну подумай, ну как я буду по дворам молоко для немцев собирать?

— Да ты и не ходи по дворам. Ты отведи его прямо к Савельеву, ведь он теперь староста у немцев, негодяй этот. Вот и все. А уж тот пусть как хочет отговаривается. Понял?

Ганя, угрюмо сдвинув брови, полез в сани.

Ба-бах! Ба-бах! — вдруг отчетливо раздалось за лесом.

Мать и Ганя быстро переглянулись.

— Что слушаешь? — кисло сказал немец. — Думаль, ваши бьют? Нике! Это германский зольдат русский мины на дороге взрывает. Ваших нике.

Ганя потихоньку вздохнул и взялся за вожжи.

РАЗГРОМ

Не успел Ганя отъехать, как к дому, шумя и фырча, подкатил мотоцикл. Высокий немец с нашивками на рукавах поспешно вошел в избу, щелкнул на пороге горницы блестящими сапогами и, отдав честь, передал офицеру пакет. Офицер вскрыл пакет, прочитал. Светлые брови его нахмурились, он что-то резко командовал. Толстый ефрейтор засуетился, выхватил из печки недожарившееся мясо и поспешно понес в горницу. Солдаты бросились надевать свою амуницию, а шофер побежал к машине.

— Что-то забегали, — шопотом сказала бабушка, — уж и вправду наши не подпирают ли? Ведь всё бьют и бьют где-то.

— Кто их знает! — ответила мать. — Говорят, это они наши мины рвут. Не поймешь ничего!

Офицер поел наспех, даже не присев к столу. Обжигаясь, он жевал недожаренное мясо. Потом проверил оружие, оделся и вышел. Но тотчас вернулся, потирая уши.

— Кальт, — сказал он, — мороз!

Он подошел к матери, снял с ее плеч теплый вязаный платок, повязался им, а сверху надел пилотку.

— Спасибо, — сказал он, усмехнулся и вышел.

Бабушка всплеснула руками:

— Вот так идол! Как он ловко платок-то ухватил! А еще офицер, благородный! Бандит и больше ничего!

— Тихе, мамаша, — сказала мать, — услышит еще. Пусть он повесится на моем платке, лишь бы чего похуже не было.

В горнице толпились солдаты. Маринка смотрела, как они собирают свои сумки, как одеваются, как доедают офицерский завтрак. Вот один из них, тот самый, у которого черные рабы глаза, оделся было, а потом поежился, снова снял шинель, обвел глазами комнату, подошел к комоду и железным прикладом автомата начал разбивать его.

— Мамушка, — шепнула Маринка, — гляди-ка!

Солдаты выкинули все ящики на пол и с громким говором начали совать в сумки все, что там было.

— Так и есть: грабят! — горестно сказала бабушка. — Ведь все трудом нажитое, все горбом своим!

Мать молчала. Острая морщинка лежала между ее бровями.

— Мамушка, — толкнула ее Маринка, — они твое новое платье схватили! Твое шелковое! Отними, что же ты?

Мать не разжимала губ.

— Попроси, может отдадут, — обратилась к матери бабушка. — В чем ходить-то будешь?

— Не буду просить, — резко ответила мать.

Во дворе закричали куры. Бабушка бросилась было туда, но мать удержала ее за руку.

— Да слышишь, кур ловят! Слышишь или нет?

— Слышу, — ответила мать. — Ну и что же? Отнять ты не отнимешь, у нас с тобой на это силы нет. А просить?.. Не надо просить, мамаша. И не плачь. Наши слезы — им радость.

Маринка не утерпела, выскочила во двор. Два немецких солдата гонялись за курами. Куры пронзительно кричали, взлетали чуть не до крыши и не давались в руки. Тогда один солдат, тощий и кривоногий, схватил жердь и начал бить кур. Одна за другой белые породистые молодки падали на солону.

— Ведь это же несушки, — сказала потихоньку Маринка, — ведь они же скоро нестись будут.

Солдаты и не слышали ее слов и даже не оглянулись на нее. А Маринка, испуганная собственной смелостью, бросилась обратно в избу.

Двери в избу были открыты настежь. Солдаты с набитыми сумками выходили на улицу и, грохоча сапогами, сбегали по на-

мерзшим ступенькам крыльца. Маринка остановилась в сенях, пережидая, пока они пройдут. На улице шумели заведенные машины; они кружились и разворачивались возле дороги. И, покрывая их шум, где-то совсем близко за отрадинским лесом бухали тяжелые удары и рокотал пулемет. Дождавшись, пока прошел последний солдат, Маринка шмыгнула в избу. Этот последний был толстый ефрейтор. Ефрейтор немножко отстал от других — он на ходу напяливал на себя старинный меховой бабушкин салоп.

— В избе было тихо.

— Ушли? — спросила Маринка.

Бабушка сидела, подпершись рукой под локоть, и молча плакала. Мать поглядела на Маринку сухими блестящими глазами и тоже ничего не ответила.

Маринка вошла в горницу. Дым еще висел под потолком. Белые обои, которые бабушка так берегла — бывало пальцем не даст до стены дотронуться, — эти обои были покрыты пятнами, изорваны гвоздями. Карточки, украшавшие стены, были сорваны и валялись в углу: они мешали немцам развешивать по стенам свою амуницию. Ящики из комода, опустошенные до дна, стояли среди пола, грязного, затоптанного дочерна.

— Мамушка, чего же теперь делать будем? — тихо спросила Маринка.

Мать провела рукой по своим глазам и как бы ветряхнулась.

— Что делать? А вот сейчас соберем на стол да будем обедать. Ничего! Ограбили нас, обобрали... А мы возьмем да еще наживем! Правда, дочка? Изба у нас цела, корова цела. А это самое главное — изба да корова. В избе от холода не замерзнем, а с коровой с голоду не умрем. Не тужите! Доставай щи, мамаша; вот и дед наш обедать идет.

Дедушка вошел в избу и молча, ни на кого не глядя, стал раздеваться.

— Дедушка, ты есть хочешь? — спросила Маринка.

Дед не ответил.

Все насторожились: что там еще случилось такое, чем так расстроен дед, что даже с Маринкой не разговаривает?

А дед отошел к окну и, отвернувшись ото всех, уставился глазами на седые морозные узоры.

— Дед, ты что? — с затаенной тревогой спросила бабушка.

— Да ничего, — хрипло ответил он.

— Ну, говори! Что случилось?

— Ступай во двор, посмотри... там...

Дед не договорил и махнул рукой. Бабушка выбежала из избы. И тут ее крик раздался по всему двору:

— Батюшки! Кровные! Корову зарезали! Корову! Ох, что же вы с нами делаете, что же вы делаете!

В ответ на бабушкины крики раздался смех и ругань. Но что там случилось? Смех вдруг прекратился, кто-то удивленно вскрикнул, и ругань поднялась снова, но уже бурная, злая, угрожающая. Бабушка вошла в избу белая, как холст. За ней с револьверами в руках, не переставая кричать и ругаться, ворвались немцы.

— Пан? Где пан?

Они окружили деда; один схватил его за ворот рубахи и рванул так, что дед пошатнулся. Другой, стиснув зубы, ударил его по лицу. Дед охнул. Среди криков и немецкой ругани Маринка поняла только одно слово: «Партизан!»

И сейчас же ей вспомнились те двое, лежащие на снегу возле речки. Сердце ее больно сжалось.

— Беда, — прошептала она, — беда пришла к нам!

И, быстро взобравшись на печь, она зажала уши и уткнулась лицом в подушку, чтоб ничего не видеть и не слышать больше.

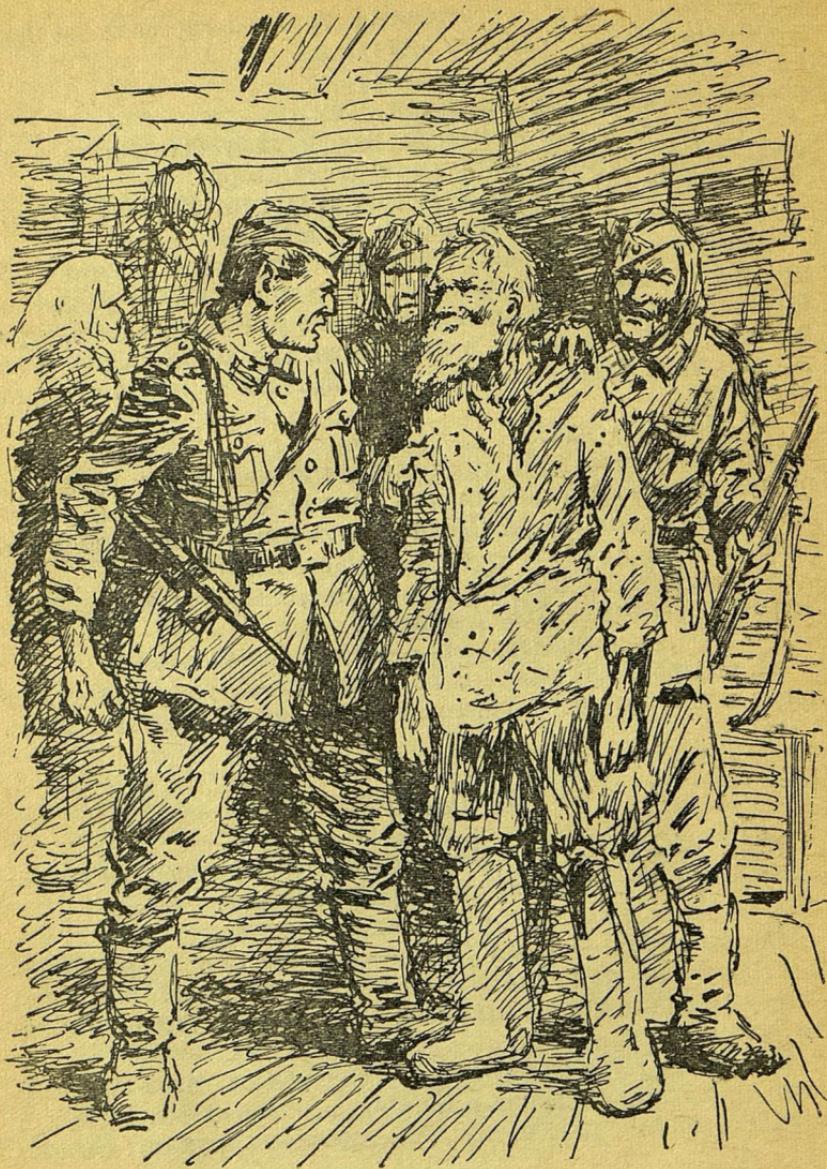
ГАНЯ В КОРЕШКАХ

Ганя погонял лошадь. Немец с недовольной миной насвистывал что-то, в санях позвякивала крышка бидона.

А за лесом непрерывно грохотала канонада.

«Мины рвут... — думал Ганя. — Ну, вот этот удар — мина. А вот это? Это же пулемет! При чем же тут мины? — И снова в его удрученное сердце проникла радость. — Врут они, это наши бьются!»

Выехав на корешковскую гору, Ганя увидел какое-то необычайно тревожное движение в Корешках и в Отраде. Гудели и фыркали машины, разворачивались, загромождая улицу. Некото-

рые стояли неподвижно, и под моторами у них пылали костры — видно, застыло горючее и машина не шла. А по отрадинской дороге, по которой пришли к ним немцы, снова сплошной очередью двигались немецкие войска — фургоны, конница, мотоциклы... Но двигались уже обратно, туда, откуда пришли.

«Неужели отступают? — Ганя боялся поверить этому, боялся обрадоваться понапрасну. — Где там отступают! — возражал он сам себе. — Вон и в Корешках полно машин и у нас на Зеленой Горке тоже. Они даже и не собираются уходить, где ж там! Разве их теперь выгонишь!»

В Корешках былолюдно на улице. Кругом слышался немецкий говор. Фашисты суетились возле машин, что-то кричали друг другу, приплясывали от мороза, терли себе уши и носы и ругались. Многие машины готовились к отправлению. В эти машины немцы таскали из домов и сваливали всякое крестьянское добро: полушубки, посуду, одеяла, даже табуретки. На повороте, там, где дорога сворачивает на Отраду, Ганя придержал лошадь. Мимо, чуть не задевая за их сани, промчался отряд мотоциклистов. Ганя глядел на их странные, жуткие фигуры, и брови его хмурились. Сколько же их нагнали сюда!

Ганя поставил лошадь к сторонке, а сам пошел искать старосту Савельева. Недовольный немец следовал за ним. Новоиспеченного старосту Ганя нашел скоро, но поговорить с ним оказалось не так-то легко. Его окружали солдаты. Один кричал, чтоб староста дал лошадей, другой громко ругал его за что-то и дергал за рукав. Немец, который сопровождал Ганю, растолкал всех и стал требовать у старосты молока. Но и его тоже оттолкнули. Высокий, с нашивками на рукавах, только что подбехавший на мотоцикле, подошел к старосте и приказал передать всем жителям, чтобы они немедленно выходили из домов и тотчас же покидали деревню.

— Жечь, жечь хотят! — заголосили стоявшие рядом бабы и побежали к своим дворам.

— Глядите, Отрада-то! — отчаянно крикнул кто-то.

Над Отрадой поднимался черный дым.

Ганя бросился к своей лошади, выкинул из саней бидон и, забыв про своего провожатого, недовольного немца, помчался домой. Он погонял лошадь, а сам оглядывался то на Отраду, то на

свою Зеленую Горку. Дым над Отрадой становился все гуще, все шире, яркие багряные языки показались внизу, но над Зеленой Горкой пока еще ясно синело тихое небо.

«Может, у нас не будут жечь, — пытался успокоить себя Ганя. — Может, у нас обойдется».

И тут, словно в ответ на его мысли, над крайней избой поднялся первый зловеющий дымок.

КРАСНЫЕ ЗВЕЗДЫ

Ганя не успел подъехать к околице, как из деревни с ревом выкатилась крытая немецкая машина, за ней показалась другая, третья... Ганя поспешно своротил свою лошадь в сугроб, чтобы дать им дорогу.

Лошадь стояла, опустив косматую голову, — она рада была, что ей дают отдохнуть немножко. Но Ганя не мог оставаться спокойным. Он то вставал в сани, то садился, то соскакивал и, утопая в снегу, ходил возле саней.

Он видел, как чернеет и разрастается дым над крайней избой.

— Мироновы горят... — шептал он, — сейчас, может, и наших зажгут... Ну, скоро, что ли, их черти пронесут с дороги? Едут — не едут! Конца им нет!

Машины шли тесно друг за другом. Они шли медленно, глубоко утопая в снегу. Иногда одна какая-нибудь буксовала и поднимала свирепый рев, стремясь рвануть с места, и тогда, сгрудившись, останавливалась вся очередь машин, потому что стороной негде было проехать.

Над Зеленой Горкой показался еще дымок, уже с другого конца.

— Всю деревню сожгут, — в отчаянии бормотал Ганя, — а я все тут буду стоять! Может, по сугробам пробежать? А лошадь? Как же лошадь бросить? Ведь колхозная же... А вот уже и третья изба занимается... Что делать?

Откуда-то издали донесся смутный гул. Ганя прислушался — то ли это машины гудят, то ли еще что. Гул нарастал, становился сильнее, и Ганя понял, что это гудят самолеты.

«Желтые крестовики летят, — решил Ганя, — войско сопровождает».

И оглянулся кругом, ожидая, что сейчас откуда-нибудь из-за леса, из-за крыши сарая низко-низко вылетит серый самолет с черными крестами на желтых крыльях.

Но, взглядевшись в морозное небо, Ганя увидел, что самолеты уже давно летят над его головой. Они летели очень высоко и ярко блестели на солнце.

«Чьи же это?»

Самолеты пронеслись вперед. Потом эта сверкающая стайка развернулась, снизилась, и Ганя отчетливо увидел на светлосеребряных крыльях алые звезды.

— Наши, — невольно воскликнул Ганя, — наши летят!

Вдруг наверху затрещали пулеметы, и пули прямым дождем засвистели по немецким войскам. Немцы бросились под машины. Ганя погнался было свою лошадь, но она ни за что не хотела лезть дальше в сугроб. Тогда он соскочил с саней, отбежал к сараю и спрятался.

— Давай бомбы! Бомбы бросай! — сжимая кулаки, в азарте повторял он. — Бомбы! Бомбы!

Самолеты сделали еще залет, дали еще залп по немецким машинам. Со стороны Корешков ударили немецкие зенитки — почти возле каждого самолета появилось кудрявое облачко, маленькая белая кучка дыма. Самолеты тотчас рассыпались и, поднявшись выше, утонули, растаяли в синем небе.

«Не попали! — обрадовался Ганя. — Все ушли, все!»

Немцы вылезли из-под машин и снова тронулись в путь.

Они заметно волновались и спешили. Машины одна за другой скрывались в овраге. Вот наконец и последняя показалась из-за околицы.

Ганя подошел к вороной лошадке и похлопал ее по гриве.

— Видала? Во как их шарахнули! Значит, и вправду наши близко! А то мины, мины!..

Ганя словно ожил. Он вскочил в сани и весело задергал вожжами:

— Ну, давай, давай! Ишь ты, ленивая!

Возле самой околицы его встретил Сашка Хрусталева, его задушевный товарищ.

— Видал? — еще издали закричал Ганя. — Видал, как немцев наподжаривали?!

— Видал, — вяло ответил Сашка. — Мы сейчас Мироновых тушили. Вот и глядели...

— Погасили? Много сторело?.. А еще кого зажгли?

— А еще на том краю... И нас было начали поджигать, да бросили — заторопились очень. Да еще самолеты им навернули... Они бежать, а мы скорей тушить. А у вас...

Сашка вдруг замолчал. Ганя почувствовал недоброе.

— А у нас? — спросил он и заглянул Саше в глаза. Сашка опустил ресницы.

— У вас немцы деда убили...

— Что?!

— Они во дворе, за кормушкой, гранату нашли... Подумали, что ваш дед — партизан... А ведь и граната-то была негодная, они ее в снег закинули...

— Ну и что?

— Ну и вот... и убили...

— Отведи лошадь, Сашка, — побелевшими губами прошептал Ганя. Он бросил вожжи товарищу и, не видя тропочки, по сугробам побежал домой.

КАК РОЖДАЕТСЯ НЕНАВИСТЬ

Дедушка лежал во дворе на снегу, уткнувшись лицом в холодный сугроб. Немцы не велели убирать его — пусть все видят, как умеют они расправляться с партизанами.

Кучка соседей стояла возле него. Бабушка, сложив руки и не спуская с него глаз, жалобно причитала что-то. Ганя растолкал соседей. Какая-то женщина ухватила его за рукав. В этой женщине Ганя едва узнал свою мать, такой она показалась ему старой. Ганя выдернул свою руку и хотел броситься к деду. Но мать снова удержала его.

— Дедушка, дедушка, — закричал Ганя, — дедушка!

— Он умер, сынок, — сказала мать, — не кричи так.

— Он не умер, неправда! Не умер! Не умер!

Соседки всхлипывали, утираясь концами полушалков, глядя

на Ганино горе. Они и сами жалели доброго деда. А Ганя хрипло кричал, прижимая руки к груди, и хватался за туго застегнутый ворот полушубка, словно ему нехватало воздуха.

— Ой, дедушка, — кричал он, — ой, миленький! Дедушка, прости меня! Дедушка, ты меня послушай, ведь это же я гранату принес! Но ведь я — рыбу глушить. Ой, лучше бы я сам умер! Ой, дедушка, прости меня, милый дедушка! Это все я виноват! Я виноват, я!

— Ну, будет, будет, — сказала мать, заливаясь слезами, — довольно убиваться, сынок. Ты не виноват, не плачь, голубчик. Виноват только тот, кто войну поднял, тот, кто нашу землю разорил, — вот кто виноват! Тот, кто нашими слезами да нашей кровью умылся, вот кто виноват! Но не бойся, кто виноват, тот за все ответит, тяжело ответит. Не плачь, сынок, не надрывай сердце.

Мать увела Ганю в избу. Но он и там долго сидел, упершись локтями в стол, и выли не своим голосом от горя и отчаяния. Маринка подошла к нему, тихонько взяла его за руку и утонулась носом в его плечо. Она не знала, что сказать, чем утешить Ганю.

Понемногу Ганя затих. Безмолвная ласка Маринки помогла ему кое-как справиться с собой. Он вытер опухшие глаза, тихонько отстранил Маринку и забрался на печь. На приступке возле печки он увидел овчинную дедову шапку. Рыдания снова подступили к горлу.

— Что же они его... так и водили без шапки... по морозу...

Голое его оборвался. Он взял дедову шапку, улегся на печке и уткнулся в эту шапку лицом. Он не видел ни конца, ни исхода своего горя. В эти горькие минуты в сердце его проснулась ненависть, настоящая, большая, тяжелая, такая ненависть, которая делает человека бесстрашным, бросает его и на смерть и на подвиг.

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Наступила тишина. Машины и мотоциклы ушли из деревни. Только зашли еще раз в избу трое немцев, сказали, что к вечеру придут следующие немецкие отряды, и написали на двери цифру 10.

Мать прибрала горницу, но мыть не стала. Все молчали. Стало как-то все равно: что будет, то и будет, так закаменела душа от горя.

Канонада за лесом тоже умолкла. Ганя мучительно недоумевал: почему? Куда девались орудия, которые вчера били там? Неужели это и вправду были только мины? А может, это наш отряд, попавший в окружение, отбивался от немецких войск и его разбили?

Деда схоронили вместе с партизанами, убитыми на реке, схоронили на горке под печальными серебряными березами. Бабушка умыла его побледневшее лицо. Только на бороде осталась кровь.

Хоронили рано утром, спешили — боялись, что опять придут немцы и запретят трогать убитых. Мягко и грустно сияло светлое серое небо, и снежинки тихо падали на могилу.

— Весной посадим здесь цветы, да, Ганя? — сказала Маринка.

— Да, — ответил Ганя, — только... если сами мы не умрем до тех пор.

Маринка ничего не ответила. Она глядела на людей, которые шли с похорон впереди нее по узкой снеговой тропинке, глядела на белизну полей, на кромку дымчато-синего леса, на слабые искорки, рассыпанные по сугробам, и ей казалось, они ни за что не умрут, как это так может случиться, что они, Маринка и Ганя, умрут!

К дому подошли с тревогой: может, там уже снова полно немцев?

Нет, в избе было пусто.

Маринка вышла на задворки посмотреть, что делается вокруг. За рекой, там, где была Отрада, дымилось большое черное пожарище. В Корешках один край был таким же, как всегда, так же горбатились белые крыши, так же кудрявились над ними пушистые заснеженные сады, а другой край стал вдруг какой-то пустой и голый — ни крыш, ни белых яблонь, только трубы торчат да опаленные почерневшие деревья.

По отрадинской дороге все еще идут немецкие машины, они идут все в одну сторону, туда, где садится солнце, а на корешковском поле пылают костры. Что это? Как будто машины горят!

Да, так и есть! Ганя давеча рассказывал, что если машина не идет, немцы обливают ее горючим и зажигают, чтоб нашим не досталась.

За околицей, на дороге показался отряд в серо-зеленых шинелях. Немцы шли пешком.

— Идут! — закричала Маринка и бросилась в избу. — Мамушка, идут!

Ганя поспешно ушел во двор: он не хотел глядеть на них, он не мог их видеть. Бабушка не шевельнулась: как сидела на лавке, опустив руки, так и осталась. Мать накинула на плечи худую шаль, которая у нее осталась, и вслед за Маринкой вышла на крыльцо.

Но Маринка ошиблась. Немцы прошли мимо, даже не взглянув ни в один дом.

— К нам, наверное, на ночь припожалуют, — сказала мать. — Надо воды припасти, а то ночью с часовым на колодец погонят!

Безмолвно, безрадостно прошел день. Седые сумерки окутали деревню, глухая печаль повисла над низкими крышами. На улице было пусто и тихо, все сидели по домам и, затаившись, ждали, какая еще новая беда постигнет их.

Мать занавесила окна и зажгла лампу. Стало немного веселее.

— Мамушка, давай я сегодня в горнице на своей постели лягу, — сказала Маринка, — может, немцы до утра не придут.

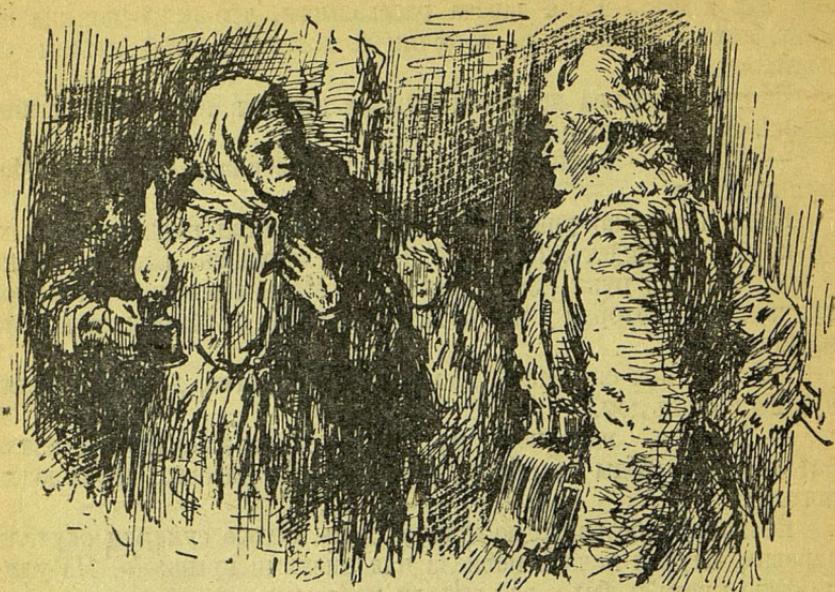
— Ну что же, — ответила мать, — ложись. А ты, Ганя?

Ганя сердито отвернулся.

— Не пойду я туда. Там зверьем пахнет.

Мать отмыла, отскоблила Маринкину кровать, постелила чистый сеник и белую дерюжку, принесла из чулана ее теплое синее одеяло. Маринка укуталась в него и оставила только щелочку для глаз. В эту щелочку ей виден был огонек кухонной лампы. Маринка прижмурила ресницы, ей захотелось, чтобы все было, как прежде, как раньше, когда в доме было так хорошо и весело. Захотелось, чтоб забегали на занавеске лисички, чтоб закачались розовые цветы на белых обоях, чтоб от маленькой лампы снопами потянулись и рассыпались во все стороны золотые лучи.

Но ничего не получалось. Только начнет что-то ласковое и

красивое мерещится Маринке, как она вздрагивала неизвестно отчего и начинала прислушиваться, не стучат ли. Или вдруг вспоминался дед, и сердце так больно сжималось, что сон сразу улетучивался.

— Дедушки нету, — шептала Маринка. — Дедушка, бедный ты наш дедушка!

Маринка уснула к рассвету. Сны были страшные: немцы глядели на нее из окон, шептали что-то, скалили зубы... Вот один вошел в горницу и стоит прямо перед Маринкой. Она видит его глаза — серые с крапинками, холодные, жестокие. Немец улыбается и поднимает над ней револьвер, так же как тогда на Кудряша.

— Не надо! — громко закричала Маринка и проснулась.

В кухне попрежнему горела подвернутая лампа, бабушка охала и стонала во сне.

Вдруг в калитку громко застучали. Все вскочили. Мать бросилась отпирать дверь. Маринка подхватила свое одеяло и побе-

жала на лежанку к бабушке. Только Ганя глубже зарыл голову в подушку и отвернулся к стене.

Мать с лампой в руках широко открыла дверь. Морозный пар закружился по полу. Маринка из-за бабушкиной спины глядела, вытянув шею, какие сейчас войдут.

В полосе света появился человек. На нем была красноармейская меховая шапка.

«С нашего бойца снял, — подумала Маринка, — замерз в пилотке-то в своей».

Человек шагнул в сени. Мать посторонилась, еще не понимая, кто перед ней. И вдруг человек произнес самым настоящим русским языком:

— Товарищи, не пугайтесь!

— Да это наши! — звонко вскрикнула Маринка. — Мамушка, да ведь это же наши, наши!

И, не помня себя от радости, соскочила с лежанки. В избу вошел командир передовой красноармейской части. Это был боевой командир наступающей армии — весь заиндевший, суровый, стремительный. Он вошел, посмотрел на всех усталыми, воспаленными от вьюг и бессонницы глазами, улыбнулся ласково и сказал:

— Здравствуйте!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Мы вернемся!	3
Находка, до которой нельзя дотрагиваться	4
Какую песню пели сверчки	7
Страх : : : : :	8
Самолет с черными крестами	10
Ганин секрет :	14
Враг пришел :	17
Кудряшу «калут»	22
Фашисты живут в доме	24
Как умирают люди	29
Чьи орудия бьют? ! ;	32
Разгром	34
Ганя в Корешках	37
Красные звезды :	40
Как рождается ненависть	42
Освобождение :	43

ДЛЯ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

Ответственный редактор В. Гажина. Подписано к печати 10/VI 1942 г. 3¹/₄ печ. л. (2,3 уч.-изд. л.) 32 832 зн. в печ. л. Л163760. Тираж 50 000. (1 завод 1—25000).
Заказ № 2151. Цена 90 коп.

Фабрика детской книги «Детгиз» Наркомпроса РСФСР. Москва, Суэвский вал, 49.

1000

35794

~~НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА~~

Н

200 =

Цена ~~90~~ коп.